

Ткаченко К.

– кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и литературы Донбасского государственного педагогического университета

УДК 82-311.6.09

РОМАН-ЭПОПЕЯ КАК ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ИЗОБРАЖЕНИЕ ВОЙНЫ И МИРА

В статье анализируются особенности жанра романа-эпопеи, своеобразие художественного конфликта в соответствии с жанроопределением выбранных произведений.

Ключевые слова: жанр, роман-эпопея, роман, конфликт.

Ткаченко К.

– кандидат філологічних наук, доцент кафедри російської мови та літератури Донбаського державного педагогічного університету

РОМАН-ЕПОПЕЯ ЯК ХУДОЖНЄ ЗОБРАЖЕННЯ ВОЙНИ ТА МИРУ

У статті аналізуються особливості жанру роману-епопеї, своєрідність художнього конфлікту згідно визначенню жанру обраних творів.

Ключові слова: жанр, роман-епопея, роман, конфлікт.

Tkachenko K.

– Candidate of Science (Linguistics), Associate Professor, Russian Language and Literature Department, Donbas State Teachers' Training University

EPIC NOVEL AS AN ARTISTIC IMAGE OF WAR AND WORLD

In the article analysed features of the epic novel genre, originality of conflict concordantly to determination of genre of works.

Keywords: epic novel, genre, novel, conflict.

Постановка проблемы. Определение жанра – точное терминологическое движение – имеет тот простой инструментальный смысл, как, например, точный выбор очков для близорукого человека. Или – выбор точной позиции для наблюдения, точного ракурса. Именованье жанра задает этот ракурс, и, если оставаться в пределах нашего материала, разве не очевидна смена рецептивной интонации, когда, например, жанровое обозначение «роман» мы уточняем до «исторический роман»? Определение «роман-эпопея» имеет, с нашей точки зрения, не больше прав на вхождение в жанровый реестр, чем, например, «большое стихотворение» или «маленькая трагедия». В этом, предлагаемом нами определении жанра «Капитанской дочки» заложен ровно тот же эвристический потенциал, что в упомянутых выше жанровых обозначениях.

Прежде всего, можно констатировать смещение в межжанровое пространство, которое и фиксируется в соответствующих пометах, касающихся жанров. Или, иными словами, несовпадение авторского замысла ни с одной из известных ему жанровых форм.

Мы можем сформулировать **цель статьи** следующим образом: обнаружить значимую корреляцию между жанровым самоопределением и принципиальными художественными особенностями, в частности, произведений Л. Н. Толстого «Война и

мир», Н. В. Гоголя «Тарас Бульба», А. С. Пушкина «Капитанская дочка».

Изложение материала. Впервые в научной литературе термин «роман-эпопея» появился в книге А. В. Чичерина «Возникновение романа-эпопеи» [4]. Основное внимание А. В. Чичерин уделил роману Л. Н. Толстого «Война и мир», а непосредственным поводом для самой постановки вопроса послужило красноречивое признание Л. Н. Толстого: «Что такое «Война и мир»? Это не роман, еще менее поэма, еще менее историческая хроника. «Война и мир» есть то, что хотел и мог выразить автор в той форме, в которой оно выразилось. Такое заявление о пренебрежении автора к условным формам прозаического художественного произведения могло бы показаться самонадеянностью, ежели бы оно было умышленно и ежели бы оно не имело примеров. История русской литературы со времени А. С. Пушкина представляет много примеров отступления от европейской формы, начиная с «Мертвых душ» Н. В. Гоголя и до «Мертвого дома» Ф. М. Достоевского, в новом периоде русской литературы нет ни одного художественного прозаического произведения, немного выходящего из «посредственности», которое бы вполне укладывалось в форму романа, поэмы или повести» [3, с. 7].

Известный независимостью суждений, писатель и здесь сосредоточил внимание на своеобразности всего подлинно оригинального искусства. То есть, он не отрицает существование жанровых канонов, но подчеркивает, что «Война и мир» «вполне» не укладывается ни в один из ему известных.

Пристальное внимание литературоведа А. В. Чичерина, в частности, к персонажам-«представителям» народа. Говоря о «Войне и мире», исследователь указывает, что в произведении Л. Н. Толстого «описание жизни и движения народных масс – это не фон, а самое существо дела <...> это основа внутренней связи романа-эпопеи» [4, с. 26]. Исходя из этой мысли, А. В. Чичерин анализирует «Войну и мир», видя в ней классический образец нового жанра романа-эпопеи. Его основной тезис состоит в том, что «Роман-эпопея создается именно тогда, когда глубокое сознание роли народа ищет своего поэтического выражения» [4, с. 27].

С нашей точки зрения, введение термина «роман-эпопея» в связи с потребностью осмыслить масштабы такого персонажа, как народ, дало возможность наметить весьма продуктивную перспективу исследования жанрового развития именно русской литературы.

В современной науке вопрос о жанровой природе романа-эпопеи представляется как бы решенным. Во всяком случае, термин этот входит в научный терминологический оборот, существуют и словарные статьи, посвященные ему. В одной из последних таких статей И. Н. Николаев пишет: «Романом он называется потому, что там присутствует воля личности, существует персонаж, который олицетворяет собой вершину человеческого духа. С другой стороны,

эпопея – это разновидность эпоса, в котором прямо выражены коллективные, национально-исторические и государственные идеи времени. В том жанре, который называется романом-эпопеей, присутствует «равенство» сил, воздействующих на происходящий процесс» [1, с. 265].

В одной из своих работ В. В. Федоров проанализировал под интересующим нас углом зрения повесть Н. В. Гоголя «Тарас Бульба». Как представляется, в оценках и выводах В. В. Федорова мы находим прямые переклички с той точкой зрения, которая представлена в статье. Приведем несколько наиболее значимых суждений литературоведа, высказанных им в контексте обсуждения проблемы жанра «Тараса Бульбы»: «Автор отмечает здесь срединное положение произведений этого рода между эпопеей и романом. Ближайшим образом оно означает, что малый род эпопеи соединяет в себе так называемые черты эпопеи и романа. В современной терминологии этот жанр принято обозначать как роман-эпопею. Классическим образцом этого жанра является «Война и мир» Л. Толстого. Это произведение можно считать уже детально исследованным в жанровом отношении, и этот опыт должен быть использован в анализе «Тараса Бульбы» [3, с. 257].

Исследователь рассматривает жанровое своеобразие великого произведения русской литературы не на фоне какой бы то ни было «таблицы» жанровых категорий, а в динамике внутреннего межжанрового противоречия. Именно борение жанровых установок, а не механическая смена одного набора «характерных признаков» другим набором, определяет, по Федорову, событие жанрового самоопределения в «Войне и мире»: «Эпоху войны русского народа с Наполеоном Толстой изображает как время всенародного воодушевления и единения в усилиях спасти родину от врага. Это время писатель связывает с состоянием всего мира и называет его «поэтическим» – в отличие от обычного – «прозаического». Изменившееся содержание: изображение частной жизни человека уступает место изображению национальной жизни в момент его наивысшего напряжения и сосредоточенности – требует такого радикального изменения в поэтических средствах изображения, что это приводит к «деформации» жанра произведения, и «роман» превращается в «эпопею». У Толстого, таким образом, эпопея как бы «сменяет» роман, а затем вновь уступает ему место с возвращением прозаического состояния мира» [3, с. 257].

В этом месте ученый вводит в рассуждение весьма продуктивное определение: «состояние мира». При этом он опирается, судя по всему, на Ф. Гегеля, трактовавшего именно о различных состояниях «состояний мира» как основе исторического анализа во всех аспектах, в том числе, и эстетическом.

Итак, сравнивая жанровые характеристики «Войны и мира» с жанровыми характеристиками «Тараса Бульбы», В. В. Федоров видит, с

одной стороны, жанроопределяющие события, обосновывая свой вывод указанием на так или иначе происходящее взаимодействие *различных состояний мира*, а, с другой, подчеркивает и принципиальное же отличие: в «Тарасе Бульбе» эти состояния не сменяют друг друга, как в «Войне и мире», а соприисутствуют, определяя поведение героев, находящихся в одном и том же пространственно-временном континууме, в нравственно различных системах координат. Одно из его наблюдений В. В. Фёдорова прямо отсылает нас к нашей собственной точке зрения относительно конкретных характеристик человеческих взаимоотношений, отграничивающих друг от друга различные состояния мира. Речь в данном фрагменте книги идет о том, как Н. В. Гоголь изображает убитую мать с ребенком: «Гоголь и здесь изображает смерть не только как некоторое событие, протекающее в исключительно физическом времени, безразличном к смыслу совершающегося в нем события, но и тот кругозор, в пределах которого это событие происходит. Предметом изображения второго плана является видение Андрия. Точка зрения его в данном случае – домашняя, *семейная*; в ее перспективе происходит не смерть «жиденка», а умирание ребенка, и эта смерть трогает читателя, несмотря на то что его сочувствие на стороне козаков, а не осажденных.

Остап или Тарас просто бы не заметили того, что увидел Андрий, и не заметили бы не из презрения к «жиду», но потому, что этих подробностей для них просто нет, они их не видят и не замечают ни в себе, ни друг в друге. Они видят крупно, и в их кругозоре только то, что имеет общее значение, значение для *всех* запорожцев, представляющих *весь украинский народ* [курсив наш – К. Т.]» [3, с. 250–251].

У Л. Н. Толстого герои романа-эпопеи «духовные искания» Пьера Безухова и Андрея Болконского отражают динамику становления личности в эпоху крупнейших событий в истории народа. И в целом эту динамику можно описывать (понимать) как историю смирения. Андрей переживает (в смысле – изживает) наполеоновский честолюбивый дурман, приходит к Евангелию, Пьер – одолевает искушение причащения к высшей мудрости. Каждый из них по-своему приходит к мысли, а, точнее, к чувству, что смирение, умаление в виду других – это искусство и труд, требующее не меньше, если не больше усилий от человека.

Предшествующее произведение «Войне и миру» и «Тарасу Бульбе» – «Капитанская дочка» А. С. Пушкина именно предопределяет их написание. Пётр Гринев по ходу событий остается равным себе вне конкретно-возрастных примет и исторических событий.

«Капитанская дочка» – необходимое звено между эпопеей и романом. Необходимое в том отношении, что конфликту народов, собственно эпопейному событию, «должно» наследовать событие, предвосхищающее семейный – романский конфликт: событие

конфликта народа и государства. Конфликт эпопеи – конфликт народов. Конфликт народов разрешается не победой одного народа над другим, а – учреждением семейного конфликта. (После «Войны и мира» Л. Н. Толстой написал «Анну Каренину»). Именно этот конфликт определяет промежуточное жанровое качество последнего произведения А. С. Пушкина.

Перспективы дальнейших исследований. В жанре эпического высказывания актуализируется однонаправленное необратимое порождение «Я», представляющего собой функцию от народного «Мы». Конфликт романа-эпопеи – это конфликт народа и государства. Этот конфликт получает формы становления семьи.

В «Капитанской дочке» это событие разворачивается с участием Петра Гринева и Маши Мироновой. Гринев и Маша «находятся» на границе между войной и миром. В сцене первой встречи героев в Белогорской крепости учреждается новая семья, ради создания которой будут «жить и умирать» все остальные персонажи «Капитанской дочки».

Только развитой русский роман, прежде всего, роман Л. Н. Толстого позволяет точно увидеть место «Капитанской дочки» в истории русской литературы – во многих отношениях, ключевое.

Литература

1. Николаев И. Н. Роман-эпопея. *Словарь литературоведческих терминов*. Ростов-на-Дону: Феникс, 2001. 345 с.
2. Толстой Л. Н. Несколько слов по поводу книги «Война и мир». Москва, 1955. 253 с. (Полное собрание сочинений: в 90 т. Юбилейное издание (1828–1928). Т 16).
3. Федоров В. В. О природе поэтической реальности. Москва: Сов. писатель, 1984. 189 с.
4. Чичерин А. В. Возникновение романа-эпопеи. Москва: Сов. писатель, 1975. 376 с.